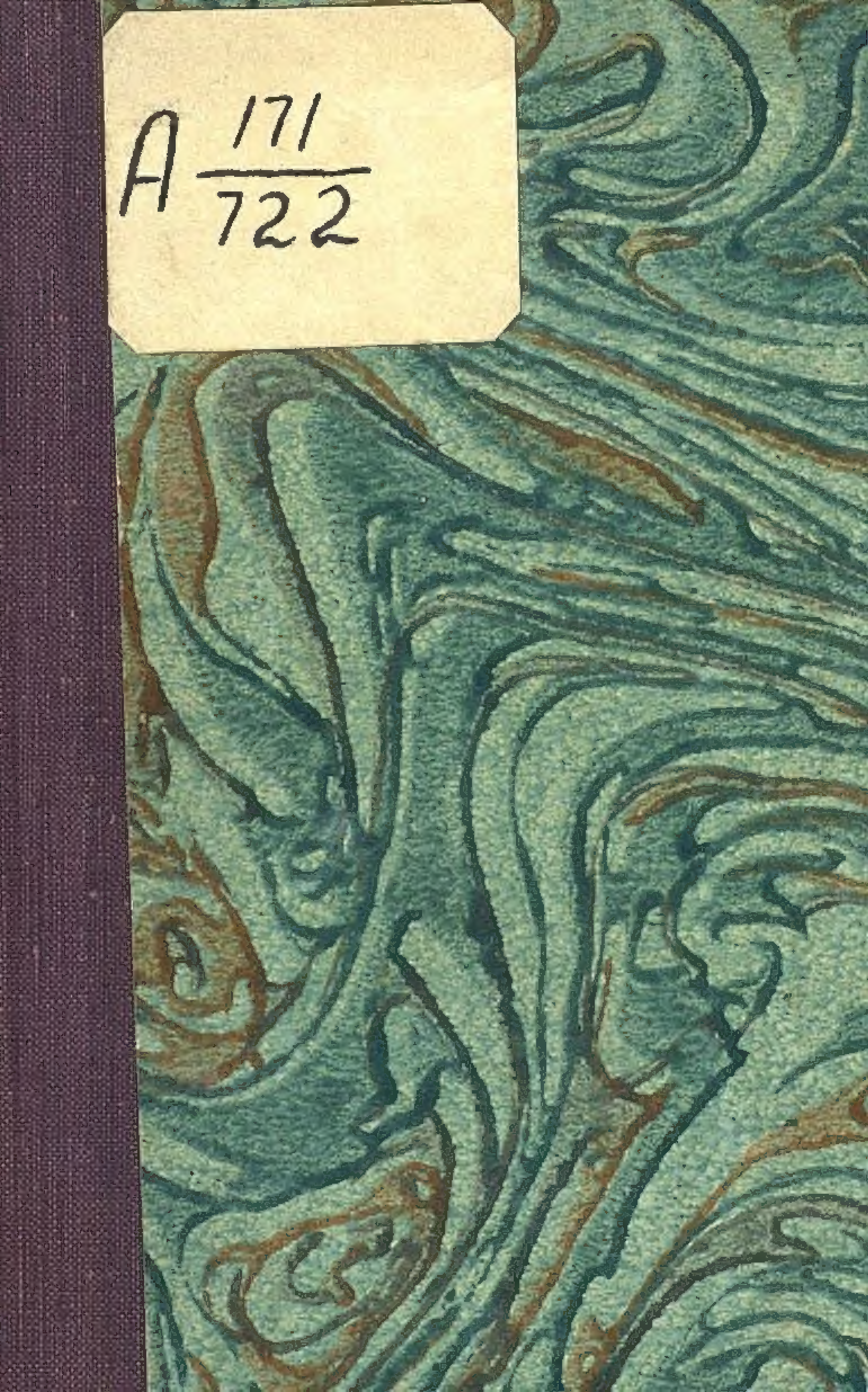

Въ Московскій Румянцевскій м

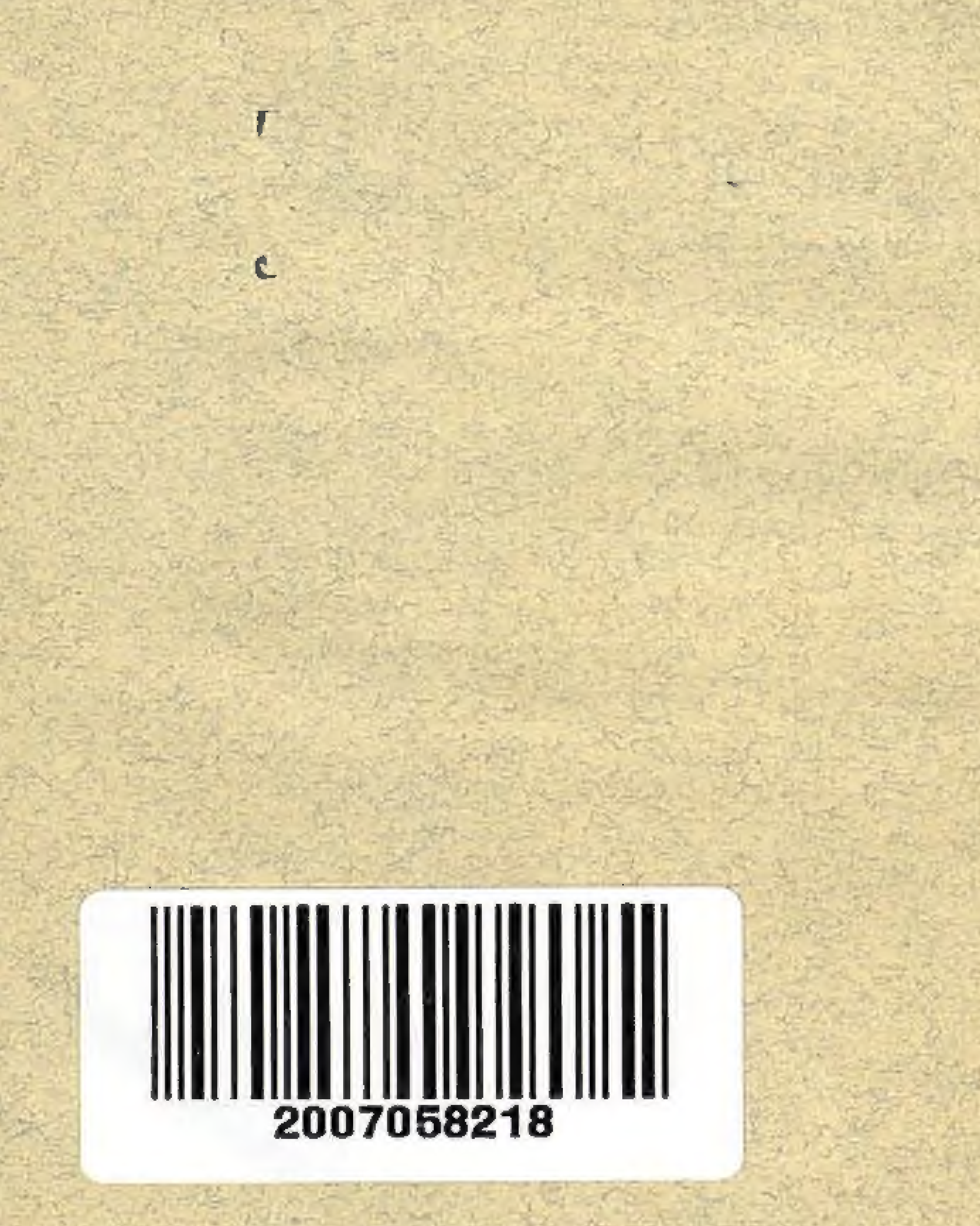
Отъ автора.

Харьковскія университетскія торжества въ первые годы существованія университета.

Профессора Д. И. Багалѣя.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1892.

Харьковскія университетскія торжества въ первые годы существованія университета. *)

Въ нынѣшній день торжественнаго университетскаго акта весьма умѣстно вспомнить о различныхъ церемоніяхъ,

*) Статья эта, представляющая отрывокъ изъ приготовляемыхъ авторомъ къ печати очерковъ по исторіи Харьковскаго университета, составлена на основаніи трехъ документовъ Харьковскаго университетскаго архива: 1) подлиннаго дѣла объ открытіи Императорскаго Харьковскаго университета (1804—1809), 2) дѣла о торжественномъ собраніи Харьк. у-а 30-го августа 1806 г и 3) дѣла о торжественномъ собраніи Харьк. у-а 30 авг. 1807 года; кромѣ того принята во вниманіе и печатная литература.

которыми сопровождалось открытіе Харьковскаго университета въ 1805 г., и его первыя публичныя собранія въ 1806—1807 годахъ.

Характерною особенностью первоначальной исторіи Харьковскаго университета является тѣсная связь его съ мѣстнымъ обществомъ. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ тотъ фактъ, что избраніе Харькова центромъ новаго учебнаго округа и основаніе въ немъ университета стоятъ въ тѣснѣйшей причинной связи съ пожертвованіемъ на университетъ Харьковскаго дворянства, подвинутаго на этотъ достойный поступокъ горячимъ поборникомъ просвѣщенія, мѣстнымъ помѣщикомъ В. Н. Каразинымъ. Этому послѣднему принадлежитъ и первая мысль объ учрежденіи университета въ его родномъ Харьковѣ, и въ значительной степени ея практическое осуществленіе. Открытіе уни-

верситета произошло, какъ извѣстно, 17 января 1805 г.; уставъ его былъ утвержденъ 5 ноября 1804 г.; но проэктъ устава—„предначертаніе о Харьковскомъ университетѣ“ было составлено В. Н. Каразинымъ и прочитано въ собраніи Харьковскаго дворянства еще 29 августа—1802 г. Оно то и послужило основаніемъ для дворянъ пожертвовать 400,000 р. на университетъ, проэктированный Каразинымъ. Проэктъ устава, составленный В. Н. Каразинымъ, отличается чрезвычайно широкимъ замысломъ; совершенно вѣрно замѣчаніе сына Василія Назаровича, что „университетъ его отца былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище“. Вотъ какія надежды возлагалъ В. Н. Каразинъ на Харьковскую губернію, когда въ ней засіяетъ этотъ свѣтильникъ наукъ. „Такъ, мил. гос., я смѣю думать,

что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувства изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѳины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній—сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи,—призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими богатствами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ: въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, способенъ прельстить самихъ иностранцевъ, ко-

торыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода— науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною... Отъ насъ Имперія будетъ заимствовать златоустныхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли Царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія; отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы, прославятъ добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе

свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться" и т. д. (рѣчь къ дворянству). Не продолжаемъ дальнѣйшаго исчисленія надеждъ или, правильнѣе говоря, мечтаній В. Н. Каразина. Имъ суждено было осуществиться только въ очень скромныхъ размѣрахъ. Украйна, къ сожалѣнію, не сдѣлалась, да и не могла сдѣлаться второю Греціей; въ рѣчи Каразина не мало и реторики, и гиперболъ, присутствіе которыхъ объясняется, съ одной стороны, тогдашними литературными вкусами, съ другой—спеціальною цѣлью этой рѣчи: В. Н. Каразину нужно было во что-бы-то ни стало склонить харьковское дворянство къ пожертвованію, чтобы оправдать обѣщаніе, данное въ такомъ именно смыслѣ Государю Императору. Но рѣчь эта представляетъ для насъ весьма большой интересъ въ качествѣ матеріала для

характеристики настроенія самого Каразина. Мы не сомнѣваемся, что самъ онъ вѣрилъ въ свои мечты, что онъ былъ искрененъ; извѣстно, что такимъ искреннимъ фантазеромъ являлся онъ и въ другихъ случаяхъ своей жизни и дѣятельности. Что это не были одни только слова, что таково было его искреннее убѣжденіе, видно изъ ближайшаго разсмотрѣнія проэкта его университетскаго устава. Вмѣсто четырехъ отдѣленій или факультетовъ онъ проэктировалъ девять—1) *общихъ познаній*; 2) *пріятныхъ искусствъ*; 3) *богословское*; 4) *гражданскихъ познаній*; 5) *военныхъ познаній*; 6) *врачебныхъ познаній*; 7) *гражданскихъ искусствъ*; 8) *отдѣленіе учености* и 9) *отдѣленіе изящныхъ художествъ*. Сверхъ того для низшаго населенія Каразинъ предлагалъ учредить *училище сельскаго домоводства* и *школу*

ремеслъ и рукодѣлій. Такимъ образомъ, Харьковскій университетъ, по мысли Каразина, долженъ былъ заключать въ себѣ и низшія училища (сельско-хозяйственное и ремесленное), и гимназію, и университетъ, и академію художествъ, и духовную академію, и военную, и инженерную академію. Новый университетъ, по плану Каразина, былъ порученъ высшему наблюденію мѣстнаго Харьковскаго дворянства: это послѣднее должно было представлять на утвержденіе Государя директора университа, избраннаго профессорской коллегіей и обсуждать университетскій отчетъ. На содержаніе Харьк. университета Каразинымъ была исчислена ежегодная сумма въ размѣрѣ 200,000 руб. Она должна была составиться такъ: 1) процентовъ съ 400,000р.,пожертвованныхъ Слободско-Украинскимъ дворянствомъ—20000 р., 2) ежегод-

вый сборъ съ купечества и гражданства (по $1^{1}/_{4}\%$ съ капиталовъ и половина откупной суммы)—болѣе 50000 р., 3) 25000 рублей, назначенныхъ на содержаніе военнаго училища; 4) 30000 р. процентовъ съ 600000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской; 5) 75000 р. ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ всякаго обремененія получено отъ правительства изъ слѣдующихъ двухъ источниковъ: 50000 руб. составятъ винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей по Слободской губ., если они будутъ вноситься въ пользу университета, а 25000 р. процентовъ можетъ получиться изъ капитала въ 450000 р., хранящагося въ Государственномъ Заемномъ банкѣ и принадлежащаго

фамиліи Кантемировъ, земли которыхъ находились главнымъ образомъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи (единственнымъ отпрыскомъ этого рода оставался въ это время, по словамъ Каразина, сумашедшій кн. Кантемиръ); всего кап. было дѣйствительно 200.000 р. ежегодно, причемъ казна изъ своихъ собственныхъ средствъ въ сущности не затрачивала ничего. Харьковскій университетъ, такимъ образомъ, долженъ былъ явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Англіи, Америки.

Все это такъ и осталось проэктомъ: и уставъ, и штатъ для Харьковскаго университета были выработаны въ Главномъ правленіи училищъ; на содержаніе Харьковскаго университета была опредѣлена такая-же ежегодная

штатная сумма изъ казны, какъ и на содержанiе другихъ университетовъ (напримѣръ, Казанскаго). Но общественныя пожертвованiя все-таки были приняты; поступали они и впослѣдствiи какъ отъ харьковскихъ обывателей, такъ и отъ жителей сосѣднихъ губернiй.

Настроенiе В. Н. Каразина, его пылкiя рѣчи, должны были въ извѣстной степени подѣйствовать и на мѣстное общество. Дворянство въ приговорѣ своемъ усвоило себѣ, очевидно, точку зрѣнiя Каразина. „Дворянство, обративъ вниманiе на положенiе своего края, на нужды, тяготящiя его среди природнаго изобилiя, на представляемыя имъ удобности къ заведенiямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщенiе и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованiе его, сопровождае-

мое благотворнымъ вліяніемъ науки на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣковѣчить неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ“ (Протоколъ Харьковскаго дворянства 1 сент. 1802 года). Харьковское купечество и вообще городское общество, откликнувшись на призывъ къ пожертвованію, заявляло между прочимъ: „видя въ учрежденіи семъ (т. е. университета), независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, явно то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды; гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностью соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической

благодарности" (Протоколъ городской думы).

Неудивительно, что при такомъ настроеніи всѣхъ слоевъ своего общества, городъ Харьковъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія храма высшихъ наукъ. Еще въ 1802 или началѣ 1803 г. Каразинъ нѣсколько преждевременно велѣлъ прибить къ бывшему генералъ-губернаторскому дворцу, отданному подъ университетскія аудиторіи, вывѣску: „Государственный университетъ". „Этою надписью Каразинъ, выражаясь словами одного изслѣдователя, очевидно хотѣлъ доставить харьковцамъ удовольствіе сознанія, что университетъ у нихъ уже существуетъ". Но съ этого же времени начались и дѣйствительныя приготовленія къ открытію университета—приспособленіе зданій, пріѣздъ первыхъ профессоровъ, появленіе

цѣлаго отряда иностранныхъ ремесленниковъ (съ которыми не знали что дѣлать), прибытіе книгъ и разныхъ предметовъ для учебновспомогательныхъ учрежденій. Все это волновало умы, возбуждало живой, можно сказать, жгучій интересъ въ харьковскомъ обществѣ. Каразинъ сгаралъ отъ нетерпѣнія, спѣшилъ самъ, торопилъ другихъ, переходилъ отъ отчаянія къ надеждѣ и снова отъ надежды къ отчаянію. Еще 14 іюня 1803 года Каразинъ составилъ церемоніалъ открытія Харьковскаго университета (на французскомъ языкѣ). Но самое открытіе происходило по другому церемоніалу, составленному, повидимому, Тимковскимъ, впрочемъ очень близкому къ Каразинскому, но только нѣсколько менѣе торжественному. И Каразинъ, и комитетъ, и попечитель Потоцкій извѣщали начальниковъ сосѣднихъ гу-

бернiй и областей о скоромъ открытiи университета въ Харьковѣ и просили поставить объ этомъ въ извѣстность подвѣдомственное имъ население. Но постоянно являлись новыя задержки: то губернаторъ (И. И. Бахтинъ) и дворянство должны были заняться рекрутскимъ наборомъ, то поджидали прiѣзда попечителя, то, наконецъ, никакъ не могли получить желанной грамоты и университетскаго устава. Первоначально рѣшено было открыть университетъ 30 августа или 15 сентября 1804 года, но на самомъ дѣлѣ открытiе совершилось 17 января 1805 года, будучи прiурочено къ съѣзду харьковскихъ дворянъ на выборы. Церемонiалъ открытiя, выработанный въ комитетѣ, былъ еще разъ разсмотрѣнъ губернаторомъ совмѣстно съ членами комитета—проф. Тимковскимъ и

Осиповскимъ—и тогда только получилъ окончательное утвержденіе.

Открытіе университета, согласно церемоніалу, совершилось такъ.

Получивъ грамоту и уставъ, два чиновника университета были назначены церемоніймейстерами и немедленно занялись ближайшими приготовленіями. О днѣ торжества они извѣстили за два дня знатнѣйшихъ жителей Харькова и пріѣзжихъ, доставивъ имъ пригласительные билеты на обѣдъ послѣ открытія университета и на ораторію, которая должна была состояться на другой день въ залѣ меньшаго университетскаго дома. Въ день открытія, въ 8 часовъ утра, университетскіе чиновники собрались въ верхнія, а студенты и директоръ училищъ Слободско-Украинской губ. съ учителями и нѣсколькими учениками въ нижнія комнаты большаго университетска-

го дома; въ верхнія-же комнаты въ половинѣ 9-го прибыли заранѣе приглашенные для участія въ церемоніи гражданскій Слободско-Украинскій губернаторъ съ губернскими чинами и гражданами и губернскій предводитель дворянства съ дворянами; главнѣйшіе чины вошли въ залу правленія университета, гдѣ передъ портретомъ Государя лежали уже грамота и уставъ. Когда всѣ собрались, одинъ изъ членовъ университета прочиталъ соотвѣтственныя статьи изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ всѣ процессіей направились въ соборъ. Впереди шелъ церемоніймейстеръ, за нимъ—ученики Слободско-Украинскаго главнаго училища, учителя и директоръ его; затѣмъ слѣдовали второй церемоніймейстеръ, будущіе студенты университета, университетскіе учителя, адъюнкты, профессора, предсѣдатель

комитета съ двумя адъюнктами, несшій на подушкѣ Высочайшую грамоту (она была въ папкѣ, покрытой бархатомъ съ золотымъ шитьемъ), губернское начальство, дворянство, голова съ гласными и купечествомъ. Лишь только процессія вышла изъ университета, начался колокольный звонъ. Слободско-Украинскій и Харьковскій епископъ выслалъ на встрѣчу процессіи при входѣ ея въ соборную ограду двухъ протоіереевъ, которые обкадили священнымъ ладономъ грамоту. На порогѣ собора грамоту принялъ самъ епископъ и положилъ на приготовленный заранѣе аналой. Во время пѣнія приличнаго псалма публика заняла свои мѣста. Послѣ этого началась литургія, передъ окончаніемъ которой сказано было слово. По окончаніи литургіи открылось благодарственное молебствіе, передъ началомъ котораго пре-

освященный взялъ съ аналоя грамоту и вручилъ ее одному изъ университетскихъ чиновниковъ для прочтенія изъ нея болѣе важныхъ статей. По окончаніи службы преосвященный вручилъ грамоту предсѣдателю комитета и тогда же началось обратное шествіе процессіи въ университетъ въ прежнемъ порядкѣ, но только съ тою разницею, что вслѣдъ за грамотою шествовалъ преосвященный съ духовенствомъ. Всѣ вошли въ залъ меньшаго университетскаго зданія, назначенный для публичныхъ собраній. Преосвященный, принявъ грамоту, положилъ ее на столъ подлѣ каѳедры передъ портретомъ Государя, гдѣ лежалъ университетскій уставъ. При водоосвященіи, по прочтеніи евангелія, было сказано слово, а затѣмъ окроплены святою водою оба дома (для этого на верхній этажъ малаго дома и въ большой бы-

ли посланы преосвященнымъ протоіереи). Преосвященный въ сопровожденіи двухъ церемоніймейстеровъ отправился съ духовенствомъ въ соборъ для разоблаченія, а въ это время въ залѣ пѣли концертъ и публика занимала мѣста. Когда преосвященный возвратился изъ собора въ университетскій залъ, были прочитаны нѣкоторыя статьи изъ устава и сказаны приличныя торжеству три рѣчи—одна попечителемъ Потоцкимъ на латинскомъ языкѣ „De nova per Imperium Rossicum constitutione scholarum, indeque oriundo fructu“ (О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и результатахъ его), другая—ректоромъ Рижскимъ на русскомъ языкѣ „О изящныхъ наукахъ“, и третья проф. Балленъ-Де-Баллю на французскомъ языкѣ „Que l'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniment des armes et allier la philo-

sophie à l'art des combats". (Какъ нужно приготовлять себя къ военнымъ пріемамъ изученіемъ наукъ и соединять философію съ военнымъ искусствомъ?) Вслѣдъ затѣмъ были провозглашены имена наличныхъ профессоровъ и студентовъ, причемъ послѣднимъ розданы были шпаги. Профессора и почетные гости были приглашены къ обѣду, сервированному въ торжественной залѣ. Вечеромъ въ теченіи трехъ дней была прекрасная иллюминація. На другой день вечеромъ публика слушала спеціально сочиненную для настоящаго случая ораторію. Слова ораторіи, какъ кажется, составлены были проф. Тимковскимъ. Въ заключительномъ речитативѣ его говорится:

„Вотще коварство предпріемлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ, иль растетъ;

Растетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ, но самъ собой
Онъ въ дебрь зайдетъ и заблудится;
Дай наставленье—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой“.

Попечитель Потоцкій просилъ Тимковскаго, чтобы тотъ сказалъ, что нибудь въ похвалу патріотическаго приношенія Харьковскаго дворянства— и онъ прибавилъ слѣдующую строфу:

„Возвѣстите славой подвигъ,
Подвигъ здѣшней стороны;
Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
Какъ усердствуютъ для нихъ“.

Такими торжествами сопровождалось открытіе Харьковскаго университета. Но и впослѣдствіи университетъ старался часто устраивать публичныя собранія. Этому способствовалъ и тогдашній университетскій уставъ, который требовалъ, напримѣръ, научныхъ бесѣдъ профессоровъ со студентами и такихъ

же научныхъ собесѣдованій въ ежемѣсячныхъ совѣтскихъ засѣданіяхъ. Независимо отъ того и самъ университетъ стремился къ сближенію съ публикой. По справедливому выраженію Рославскаго-Петровскаго, „дабы привлечь искателей мудрости, надлежало самую истину облекать въ торжественныя формы, столь обаятельно дѣйствующія на воображеніе". (Объ ученой дѣятельности Ист. Харьк. у—а, стр. 26). „По опредѣленію совѣта, говоритъ тотъ же авторъ, состоявшемуся въ 1806 году, положено ежегодно быть двумъ актамъ: 17 января въ день открытія университета и 30 августа— въ честь Тезоименитства Августѣйшаго виновника его существованія и въ ознаменованіе окончанія стараго и начатія новаго учебнаго курса, согласно 54 § устава. Къ этимъ собраніямъ, въ 1808 году, послучаю перваго вы-

пуска студентовъ, присоединилось третье, происходившее 30 іюня, на которомъ лучшіе воспитанники читали свои сочиненія предъ посѣтителями, а между тѣмъ и профессоры не упускали случая побесѣдовать съ публикою о разныхъ ученыхъ предметахъ, имѣвшихъ общую занимательность. Въ продолженіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ, собраніе 17 генваря было замѣнено собраніемъ 30 іюня, но въ 1812 году снова возстановленъ прежній порядокъ, а въ 1814 году, по поводу славнаго окончанія борьбы съ Наполеономъ, совѣтъ университета, движимый патріотическими чувствами, опредѣлилъ, чтобы съ церковнымъ празднествомъ, имѣвшимъ происходить 25 декабря, въ память избавленія Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ, соединить и академическое торжество, что повторялось потомъ два раза—въ 1815 и 1816

годахъ; собраніе же 17 января и 30 іюня были отмѣнены" (ibidem, стр. 26—27). Во второй годъ существованія университета—1806-й—было два акта: первый 17 января въ годовщину открытія университета, и второй 30 августа въ день Тезоименитства Государя. На первомъ было произнесено 3 рѣчи—ректоромъ Рижскимъ на русскомъ языкѣ „О познаніи свойственномъ воображенію", проф. Умляуфомъ на латинскомъ языкѣ „De arrogantia in litteris" и проф. Шнаубертомъ на нѣмецкомъ языкѣ „Ueber die Ernährung und das Wachsthum der Pflanzen". Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи церемоніалъ акта 30 августа 1806 г., составленный проф. Тимковскимъ. Онъ долженъ былъ происходить и, очевидно, происходилъ такъ. Торжество имѣло мѣсто въ большой залѣ малаго университетскаго дома (ны-

нѣшней актовой) и началось въ 6-мъ часу пополудни; профессора, служащіе и студенты заранѣе приглашены были въ соборъ на литургію и молебствіе; правленіе испросило у г. Харьковскаго губернатора полицейскихъ чиновниковъ для соблюденія внѣшняго благочинія; почетныя особы обоего пола, коренные жители и временно проживающіе въ Харьковѣ, еще за день были приглашены на актъ особыми билетами отъ имени университета. Въ 9 часовъ утра ординарные профессора собрались въ залу совѣта для избранія почетныхъ членовъ. Съ приходомъ гостей музыка начала играть симфонію. Затѣмъ произнесены были съ каѳедры три рѣчи—проф. Шумлянскимъ на русскомъ языкѣ „О физическихъ способахъ жизни" проф. Шадомъ на латинскомъ языкѣ „De fine hominis ultimo"; третьей рѣчи къ со-

жалѣнію, въ сборникѣ рѣчей, принадлежащемъ библіотекѣ Харьковскаго университета, не сохранилось. Въ промежуткѣ между рѣчами была музыка и пѣніе, а также угощеніе для публики. Послѣ первой рѣчи пѣли подъ музыку слѣдующія стихи:

„Воспой Россія пѣсни новы,
Судебъ уставы величай,
Се слава, честь тебѣ готовы,
Въ своемъ блаженствѣ процвѣтай!
О подвигахъ царя безсмертныхъ
Простри пріятный всюду слухъ,
Даровъ добротъ его несмѣтныхъ
Возвеселитъ твой взоръ, твой духъ.
Велика миромъ и войною!
Чти дней твоихъ златыхъ Творца,
Чти благодарною душою
Ты Александра какъ отца.

Послѣ второй рѣчи музыка играла андантино; послѣ третьей подъ музыку снова пѣли стихи такого содержанія:

Гласъ славы проницай вселенну,
Греми во всѣхъ концахъ земли,

Вѣщай днесь благость намъ явленну
И ты отъ насъ сіе внемли:
Живи Монархъ во благо свѣта
Для славы россовъ многи лѣта!

Затѣмъ проф. Осиповскій прочелъ отчетъ о студентахъ, отличившихся въ наукахъ, а ректоръ раздалъ шпаги вновь вступившимъ въ университетъ. Музыка съиграла концертъ, а хоръ подъ акомпаниментъ оркестра—заключительную пѣснь на итальянскомъ языкѣ.

Послѣ первой рѣчи лакеи подавали публикѣ чай, послѣ второй—варенье, конфекты, сухіе фрукты, лимонадъ и оршадъ, послѣ третьей—шоколадъ и яблоки, послѣ четвертой—лимонадъ и оршадъ, варенье, конфекты и сухіе фрукты. На угощеніе было отпущено содержателемъ студенческаго стола на 150 персонъ чаю, шоколаду, лимонаду, оршаду и сверхъ того куп-

лено 15 ф. конфектъ, 15 ф. сахарныхъ сухихъ фруктовъ, 120 крымскихъ яблокъ, $3^1/_8$ ф. малиноваго варенья, $3^7/_8$ ф. вишневаго, 3 ф. персиковаго, $3^1/_4$ ф. померанцоваго. Оба зданія были роскошно иллюминованы. На передней сторонѣ большаго университетскаго дома поставлено было 150 плошекъ, на воротахъ—14, у флигелей—30, на 8 окнахъ студенческаго дома — 16, на 6 окнахъ инспекторскаго—12, на воротахъ меньшаго дома—8, по обѣимъ сторонамъ воротъ 20, на оградѣ со стороны бульвара—60, итого 310. Въ залѣ въ 10 треугольникахъ вправлено было 70 восковыхъ свѣчей, въ 14 жирандоляхъ—28, въ верхнихъ комнатахъ—12, итого 110 свѣчей.

30-го августа 1807 года актъ совершился почти по такому же точно церемоніалу: и теперь публика была

приглашена заблаговременно билетами; въ актовой залѣ поставлены были портреты Государя, Министра Народнаго Просвѣщенія и попечителя Потоцкаго; собраніе открыто было симфоніей, которую игралъ оркестръ на хорахъ; были произнесены рѣчи, а въ промежуткѣ пѣлись канты и публика угощалась дессертомъ. Рижскій провозгласилъ имена новыхъ почетныхъ членовъ и профессоровъ, а также студентовъ, поступившихъ въ университетъ; празднество закончилось концертомъ. Оба зданія были иллюминованы. Рѣчи профессоровъ, читанныя на актѣ, печатались и разсылались разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Такъ поддерживалась связь между Харьковскимъ университетомъ, мѣстнымъ обществомъ и другими учеными учрежденіями.

Съ настоящаго года Харьковскій университетъ возобновляетъ свой ста-

ринный обычай печатанія годичнаго отчета и актовыхъ рѣчей (говоримъ „рѣчей“, потому что ихъ можетъ быть нѣсколько). Въ порядкѣ произнесенія рѣчей устанавливается между факультетами очередь. Въ нынѣшнемъ году эта очередь выпала на долю медицинскаго факультета; въ слѣдующемъ она падетъ на историко-филологическій факультетъ.

Привѣтствую въ качествѣ историка это нововведеніе или, правильнѣе говоря, возвращеніе къ старинѣ.

Fiat traditio, floreat universitas!
Vivant professores, vivant studiosi!

Проф. Д. И. Багалѣй.

(Отдѣльные оттиски изъ № 15 „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей“.

2007058218